

УДК 316.722

ДУХОВНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 1

М. А. ПОДЛЕСНАЯ¹⁾, И. В. ИЛЬИНА²⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, д. 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

²⁾Финансово-экономический институт Тюменского государственного университета,
ул. Володарского, д. 6, 625003, г. Тюмень, Россия

Рассматривается религиозная и внерелигиозная духовность. Исследуются представления советского человека о духовности. Анализируются научные публикации авторов, которые занимались изучением духовности советских людей в целом (Л. Н. Коган) и духовности советской молодежи в частности (В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, В. Г. Мордкович, Л. Я. Рубина, М. Х. Титма, В. И. Чупров, В. Н. Шубкин). Разработана модель духовности, которая позволит выяснить, как понимает духовность (в религиозном или внерелигиозном контексте) современная студенческая молодежь и сохраняется ли преемственность их позиции с советскими представлениями. Сделан вывод о том, что смыслы духовности советского периода соответствовали идеям гуманизма марксистской философии, в которой человек выступает творцом культуры. Данные смыслы преобразовали под свои идеологические нужды не только религиозную традицию, но и различные сферы частной жизни советского человека.

Ключевые слова: духовность; религиозная и внерелигиозная духовность; СССР; советский человек; представления советского человека о духовности.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, предоставившему грант № 21-011-43046 СССР на проведение исследовательской работы под руководством доктора социологических наук О. В. Аксёновой.

THE SPIRITUALITY IN THE VIEWS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET MAN. PART 1

M. A. PODLESNAIA^a, I. V. ILINA^b

^aInstitute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
5 Bol'shaya Andron'evskaya Street, 1 building, Moscow 109544, Russia

^bInstitute of Finance and Economics, Tyumen State University,
6 Volodarsky Street, Tyumen 625003, Russia

Corresponding author: M. A. Podlesnaia (yamap@yandex.ru)

The main objectives of this article are to consider the various meanings of the concept of spirituality, religious (Christian) and non-religious. The authors analysed scientific literature, including such authors, who was directly involved in the study of the spirituality of the Soviet person (L. N. Kogan), and many others who devoted themselves to the study of youth in the USSR, including various aspects of its spirituality (V. T. Lisovskii, S. N. Ikonnikova, V. G. Mordkovich, L. Ya. Rubina, M. Kh. Tit-

Образец цитирования:

Подлесная МА, Ильина ИВ. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 1. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;3:32–41.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-32-41>

For citation:

Podlesnaia MA, Ilina IV. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 1. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:32–41. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-32-41>

Авторы:

Мария Александровна Подлесная – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Илона Валерьевна Ильина – старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии.

Authors:

Mariia A. Podlesnaia, PhD (sociology); senior researcher at the Center for the Study of Russian Regions.

yamap@yandex.ru

Iлона V. Ilina, senior lecturer at the department of general and economic sociology.

i.v.ilina@utmn.ru

ma, V. I. Chuprov, V. N. Shubkin). As a result of the analysis, a model was developed that makes it possible to talk about the spirituality of the Christian, Marxist, modern new age movement, with the allocation of basic values, the desired ideal, subjects of the process, etc. Correlation with this model should allow us to solve the main goal of the article – to identify how spirituality (in a religious or non-religious context) is understood by the current generation of student youth, what definitions are given to it, and whether there is continuity in this sense with Soviet ideas about spirituality. The authors came to the following conclusion: the meanings of the spirituality of the Soviet period corresponded to the humanism of the Marxist philosophy of «active man», «creator of culture», transforming not only religious tradition, but also various spheres of private life to suit their ideological needs – family and marriage relations, work, leisure, friendship, set the meaning and purpose of the Soviet man.

Keywords: spirituality; religious and non-religious spirituality; the USSR; Soviet people; ideas of the Soviet man about spirituality.

Acknowledgements. We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research, which provided grant No. 21-011-43046 USSR for conducting research under the supervision of doctor of science (sociology) O. V. Aksenova.

Введение

В социально-культурном контексте современная Россия является наследницей не только многовековой культуры православия, но и атеистического проекта русского коммунизма, который в период своего существования принимал разные формы отношения к религии. Например, на раннем этапе борьбы советских идеологов с церковью религиозность трактовалась как болезнь [1]. Подобная практика была не только формой антирелигиозной борьбы в Советской России, но и особенностью научного подхода к изучению религиозности как психопатологии, который сложился к началу XX в. на Западе [2, с. 77] и впоследствии был заимствован советскими идеологами.

Несмотря на мощные пропагандистские приемы, советский атеизм не только не стал повсеместным, но и менялся на протяжении существования Советского Союза [3]. Более того, религия в советское время оставалась важным фактором социализации молодежи [4]. Потребность мистически одухотворить материалистически ориентированный марксизм существовала не только в СССР, но и в других странах. Например, в Болгарии в 1970-х гг. по инициативе общественного деятеля Л. Т. Живковой проводились масштабные государственные программы по привнесению оккультизма в национальную культуру и даже в политическую философию [5].

Стоит отметить, что попытки развить мистический компонент марксизма сохраняются и сегодня. Более того, последователи марксистской теории, пытаясь связать ее с неоязычеством как с наиболее

прогрессивной формой духовности, видят в этом залог успешного будущего [6].

В результате процессов глобализации и распада СССР многонациональный народ оказался в ситуации завершения советского проекта. О религии заговорили как о мощном инструменте возрождения российской идентичности. Религиозность в постсоветской России была тесно связана с этническим самосознанием и консолидацией политических идентичностей, выходящих за рамки религии, что в итоге способствовало политизации религии в России и возникновению проекта ее десекуляризации сверху [7]. Таким образом, возрождение духовности в последние десятилетия в России связано не только с запросами общества, но и с политическими установками, «реконструкцией институционализированной религии» [8, с. 260].

Попытки одухотворить марксистские проекты как тогда, так и сегодня свидетельствуют лишь о том, что духовность (религиозная или внерелигиозная) выступает необходимым компонентом человеческой жизни.

Данная работа имеет следующие задачи: рассмотреть смыслы духовности в советский и постсоветский периоды, выяснить, как современная российская молодежь (т. е. та часть населения, которая будет действовать завтра) понимает духовность (в религиозном или внерелигиозном значении), установить, присутствуют ли в этом понимании идеологические следы советского прошлого. Первая часть статьи посвящена исследованию понятия «духовность» и тому дискурсу, который сформировался вокруг него сегодня. Научные публикации на указанную тему классифицированы по ряду критериев.

Материалы и методы исследования

Анализ научной литературы позволяет рассмотреть понятие «духовность» сквозь призму гуманитарных наук, зафиксировать позиции и выводы исследователей, в том числе в отношении советской духовности. Совокупность научных источников на данную тему можно разделить на три группы: 1) публикации о религиозной духовности; 2) о внерели-

гиозной духовности советского и постсоветского периодов; 3) о различных аспектах духовности молодежи.

Духовность в религиозном смысле, прежде всего в христианском, рассматривается сквозь призму творений святых отцов, отдельных богословов и наиболее включенных в тему социологов.

Представлен краткий обзор особенностей религиозной духовности. Основу анализа внерелигиозной духовности советского периода составили работы известного социолога Л. Н. Когана. Различные аспекты духовности молодежи достаточно глубоко рассмотрены в многочисленных эмпирических исследованиях таких советских и постсоветских авторов, как В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова,

В. Г. Мордкович, Л. Я. Рубина, М. Х. Титма, В. И. Чупров, В. Н. Шубкин и др.

Также в анализе задействованы результаты теоретических и эмпирических работ современных зарубежных и отечественных социологов, что позволило сравнить трактовки духовности и выделить основные тенденции ее восприятия в советский и постсоветский периоды.

Результаты и их обсуждение

К настоящему времени сложились следующие основные представления о духовности: как о религиозной категории, воплощенной в традиционных религиях и соответствующих практиках, и как о внерелигиозной (светской, секулярной) категории, которая существует вне контекста религий либо с использованием их синергии, но в соответствии с собственным видением того, как это должно быть. Стоит отметить, что для религиозного человека естественным является процесс постижения духовности через опыт самой религии, церкви, к которой он принадлежит. В таком случае внерелигиозная духовность рассматривается как квазидуховность.

Существует также феномен религиозности без духовности. В данном случае обрядовая сторона вытесняет собой духовность, выступая одновременно и квазирелигиозностью, и квазидуховностью.

Христианская духовность характерна для русского и российского исторического типа. Понятие «духовный» не принадлежит исключительно христианскому богословию, но «имело хождение и в языческом мире» [9].

О пнеуме как о высшем начале в человеке и исходящей от Бога мудрости еще до христианства писал иудейский (но воспринятый и воспетый христианством) философ Филон Александрийский. Согласно Библии дух – это дыхание жизни, энергия, жизненная сила Бога. В посланиях апостола Павла «духовный человек – это человек, свободный от страстей, наполненный Божественным духом, а духовная жизнь – процесс преображения “внутреннего” человека по Божественному образцу» [10, с. 42]. Идеи апостола были продолжены святым Григорием Паламой, который известен своим учением о нетварном свете, сущности и энергиях Бога [11].

Православная духовность трактуется современными богословами как состояние и процесс нравственного совершенствования, движения к идеалу богоподобия путем покаяния [12]. Именно на богоподобии основывается христианский смысл духовности, а отношения с Богом выступают главным компонентом духовной жизни верующего.

В связи с растущим религиозным плюрализмом в социологической науке, прежде всего в американской и европейской, термин «духовность» в 1980–90-х гг. приобрел новый смысл. Об этом пи-

шет известный социолог Е. Д. Руткевич. По ее мнению, религиозный плюрализм связан с радикальным поворотом от религиозной традиции к новой «холистической духовности», «духовности в стиле нью-эйдж» [10, с. 37–65]. Новую духовность отличает от христианской синтез культур, при котором происходит не только размыв христианского понимания духовности, но и деградация теологии и классической науки «с возникновением мифомагического комплекса как их заменителя» [13, с. 29].

Духовность – это категория, которая представляет интерес для исследователей такого междисциплинарного направления науки, как психология религии. Представители этой области знания сравнивают духовность с религиозностью или противопоставляют их. За последнее столетие было дано множество определений как религиозности, так и духовности, проведено значительное количество исследований на данную тему. Их обобщение позволяет прийти к некоторым выводам: оба понятия многомерны; с точки зрения психологии религии термины «религия» и «духовность» взаимозаменяемы; отличительной чертой традиционного изучения религиозности и духовности является их сущностное и функциональное рассмотрение; начиная с 1980-х гг. и по настоящее время термин «духовность» более употребим, чем термин «религиозность», последний постепенно теряет свое прежнее значение [14, с. 429–434]. Сегодня наблюдается перенос функций, ранее применяемых к религии (поиск смысла жизни, всеобщей истины и т. д.), в область духовного, религиозность все чаще рассматривается как некий придаток к экзистенциальным функциям и ассоциируется с формальной верой, практикой, определенными институтами [14, с. 435]. В связи с этим в научной литературе возникла тенденция как к поляризации данных понятий, так и к ее обоснованной критике. По сути, специалисты в области психологии религии фиксируют те же процессы, о которых пишет Е. Д. Руткевич.

Все большую популярность в зарубежной научной литературе приобретают идеи гуманистической психологии, в трактовке которой духовность понимается как основной человеческий импульс, имеющий разнообразные формы выражения и способствующий уникальному мышлению. Ут-

верждается, что именно обретение духовности является целью человеческого развития. По мнению исследователей гуманистического направления, основными формами духовности выступают следующие: самоактуализация, подразумевающая зрелое восприятие реальности, личностный рост, творчество, глубокие межличностные отношения и т. д.; трансцендентность, предполагающая веру в сверхъестественную реальность, целостный подход к бытию; высший смысл жизни, влекущий осознанность своего пути, понимание онтологического значения бытия [15]. В гуманистической трактовке человек является мерой всех вещей, главным авторитетом, и по этой причине можно наблюдать переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви к самому человеку [10].

Довольно много исследований посвящено изучению роли духовности в преодолении критических ситуаций и состояний [16], например старения [17], борьбы с тяжелыми заболеваниями [18; 19], а также анализу их прохождения, так называемого духовного совладания [20]. Специалисты стремятся выяснить социально-психологический аспект связи между смыслом жизни и такими социально ориентированными добродетелями, как сострадание, прощение, оказание помощи другим [21], удовлетворенность жизнью в зависимости от религиозности [22] и субъективной духовности [23]. Фокус большинства современных зарубежных исследований

в области психологии религии направлен на функциональное рассмотрение духовности.

Российскими авторами духовность рассматривается в нескольких измерениях: как категория, имеющая отношение к религиозным верованиям человека; как понятие с секулярным содержанием; как конструкт, который затрагивает религиозные и нерелигиозные сферы жизни человека (при этом вводится понятие «духовная личность» и проводится проверка методик изучения секулярной духовности) [24]. Многие эксперты склоняются к использованию термина «духовный интеллект» [25]. Кроме того, духовность изучается как духовное здоровье, в том числе в студенческой среде [26]. При этом отмечается, что в рамках образовательного процесса наблюдается латентная духовность современной российской молодежи [27].

Рассматривая духовность, отдельные отечественные авторы обращают внимание на способы ее изучения, предлагая, в частности, описательно-феноменологический подход, «при котором ученый беспристрастно описывает разные проявления духовной реальности, духовной жизни, опираясь на самопрезентацию респондентов» [28, с. 34]. Данный подход направлен на трактовку духовности «в понимании ее носителей и избегает как теоретических построений, так и собственно сущностных ее определений» [28, с. 34]. Именно такой метод представляется нам наиболее релевантным с точки зрения поставленных задач.

Смыслы духовности советского человека

Исследованию СССР и советского человека посвящено так много работ, что только одному обзору подобной литературы можно посвятить не одну статью. Отметим лишь некоторые из них. Работа историка обществ советского и постсоветского типов В. Л. Заславского [29] довольно известна своим функционалистским подходом к изучению социалистической модерности позднего, неосталинского периода. Книга О. В. Хархордина [30] посвящена попытке прояснить фоновые практики индивидуализации в России и отличается смелым взглядом на природу индивидуализации в советский период. Монография Ж. Т. Тощенко [31] дает глубокую оценку социально-психологическим последствиям распада СССР для российского общества. Данные массовых опросов представлены в работе Ю. А. Левады [32]. Монография С. Бойм [33] посвящена повседневным практикам и быту советского времени, в том числе феномену коммунальных квартир как отдельному явлению советской жизни. Книга антропологов А. Архиповой и А. Кирзюк [34] весьма специфична с точки зрения предмета анализа (страхи в СССР и городские легенды).

Духовной сфере советского общества посвящены многочисленные работы социолога культуры Л. Н. Когана, который смог отразить не только марксистский идеал нового человека, воспринятый им в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, но и механизм формирования личности, которую он мыслил одновременно и как объект, и как субъект культуры [35]. Именно самореализация человека в культуре является, по мнению Л. Н. Когана, смыслообразующим элементом жизни, поэтому судить о человеке можно не по тому, что он делает, а как. Отсюда и то, что культуру социолог видит как диалектический процесс взаимодействия традиций и инноваций, преемственности и изменений, как духовное воспроизводство [36], в результате которого можно говорить об актуальной и неактуальной культуре.

Одна из основных задач советского общества – воспитание всесторонне развитой личности – рассматривалась Л. Н. Коганом не умозрительно, а вполне конкретно. Так, он выделял такие характеристики личности, как целостность, гармоничность (согласованность с духом времени и возможность соединения общественных и личностных начал),

универсальность (подготовленность к самым разным видам деятельности). Именно самореализация индивида, его способность к самодеятельности, является основным признаком духовно развитой личности. В этом смысле Л. Н. Коган был выразителем идей марксистского гуманизма о том, что человек творит свою судьбу и себя самого, исходя из собственной социальной активности.

Идеи Л. Н. Когана вполне созвучны тезисам главного идеолога молодой Советской России, первого наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского и его концепции социализма чувств, в которой сверхъестественный идеал концентрируется вокруг веры в то, что «коммунизм – это неизбежное следствие развития законов истории» [37, с. 542], а суть последней антропоцентрична¹ и связана с возможностями человека. А. В. Луначарский, известный своей увлеченностью эстетикой, неоднократно подчеркивал, что современный, имеющий прогрессивные взгляды и научно-этическое сознание человек не может верить в Бога [38, с. 248]. Цель человеческой жизни состоит не в том, чтобы хозяйствовать и работать, наоборот, человек хозяйствует и работает для того, чтобы существовать. «Само хозяйство – то, как производит человечество необходимые материальные блага для своего существования и как оно их распределяет, – имеет смысл только с той точки зрения, насколько оно позволяет организовать счастливую, упорядоченную, братскую жизнь людей, дает возможность всем талантам, дремлющим в человеке, развернуться широко в творческую, торжественную, блистательную жизнь» [39, с. 6].

К выводу о том, что духовность общества в советский период, особенно в позднесоветский, трактовалась гуманистически, приходят и современные исследователи [40, р. 109], ретроспективно анализируя, что вкладывалось в понятие «духовность» в СССР в разные периоды его существования.

Философией гуманизма в ее марксистском прочтении были затронуты практически все сферы частной и социальной жизни советского человека. Если говорить об изменениях в семейно-брачных отношениях, то стоит вспомнить о так называемых сексуальных революциях в Советской России, первую из которых советские идеологи связывали с «изменением русского семейного и брачного порядка» и «принятием первых большевистских законов» [41, с. 128]. В результате было провозглашено равноправие между мужчиной и женщиной, распространилась гражданская форма брака, отменено венчание, легализован аборт. Наблюдалась эмансипация женщин в целом. Все это свидетельствует об отрыве от существовавшей на тот момент

традиции и отмирании ценностей прежней культуры, связанной с церковными догмами, а также о серьезном реформировании этой сферы, которое предоставляло советской женщине заметно больше возможностей, рождая соответствующее (менее табуированное и десакрализованное) отношение к семье и браку. Происходило воспитание из женщины общественного человека. Она наравне с мужчиной становилась активным деятелем культуры и своей судьбы.

Нравственные основы советского человека считались единственно верными и выражались в стремлении к справедливости и честности. Целью провозглашалось неуклонное стремление воплощать в жизнь идеалы советской власти. Один из примеров нравственной оценки ситуации советским человеком, в которой стремление к справедливости рождает безжалостную критику и даже непримиримость с ситуацией: «Я коммунист. Я хочу служить Родине честно, открыто, по-хозяйски. Жить на назначенную мне зарплату, одеваться и питаться из магазина. Хочу честно пропагандировать наше, современное, с его положительным и объяснять причины недостатков. Но приемник трещит, руководство в базе, патриотизм натаскан» [42, с. 138–141].

В исследовании духовности советского человека (особенно в плане саморазвития и самореализации) весьма показательным является анализ его образа жизни, в частности свободного времени. Декларировалось, что основой советского образа жизни был добросовестный труд, предполагающий самоотдачу, ответственность за дело и коллектив, инициативность. Труд воспринимался как основа социального оптимизма и уверенности в будущем.

Важной составляющей советского образа жизни были дружественные отношения между людьми, которых должны были отличать отзывчивость, чуткость, готовность поддержать. Как отмечает А. А. Возьмитель, дружба и взаимопомощь носили всеобщий характер (более чем в 80 % микросред) [43, с. 53–54]. Факт распространенности дружбы в советское время особенно интересен в контексте вывода, к которому приходит Д. Калугин. Так, анализируя историю понятия «дружба» от Древней Руси до XVIII в., он заключает, что дружба в России, как правило, была элитарной практикой: дружили в салонах, кружках, что было совсем не характерно для крестьянства [44]. Можно предположить, что советский человек, вышедший из рабоче-крестьянской среды, воспроизводил в СССР практики, характерные для элитарных групп имперской России, в том числе в отношении дружбы. Это же касалось и чтения литературы, потребления и воспроизводства

¹В трактовке А. В. Луначарского антропоцентризм противоположен как религиозному самопознанию, так и эгоцентризму. По сути, он выступает одной из форм религиозности, центром которой является коллектив. Более подробно см.: Луначарский А. В. «От Спинозы до Маркса». М., 1925. 133 с.

культуры в целом. Неслучайно уже в 1970-х гг. по результатам эмпирических работ советские исследователи В. Т. Лисовский и С. Н. Иконникова сделали вывод о том, что студенческая молодежь по своему общественному положению ближе всего стоит к интеллигенции и является ее резервом [45], а ее высокая мобильность позволяет быть восприимчивой к различного рода инновациям [46, с. 4].

В советское время в досуговых занятиях преобладало так называемое «домашнее потребление культуры, ставшее практически всеобщим» [43, с. 89]. Затем по значимости были «игры, занятия с детьми, прогулки, работа в саду и огороде на приусадебном (садовом) участке, даче, которыми систематически занималось более 50 % населения» [43, с. 89–90]. Большую роль играли «самодеятельное творчество и самообразование, которыми по отдельности систематически занималось более 40 % населения» [43, с. 90]. Домашнее потребление культуры рассматривалось как способ всестороннего развития личности советского человека, а также как способ решения проблем духовного производства, о чем достаточно много писал Л. Н. Коган.

Таким образом, духовность поколения советских людей складывалась из ценностей, связанных с ощущением любви к социалистической Родине, гордости за нее, особого отношения к труду.

Культ образования и науки, сформировавшийся в советское время, влиял на переход к новой вне-религиозной духовности и выступал обязательным компонентом духовного мира советского человека. Благодаря советской образовательной политике в СССР сформировался новый класс советской интеллигенции, преимущественно из числа первых выдвиженцев. Под советской интеллигенцией понимался «слой специалистов, имеющих высшее образование» [47, с. 40], когорта профессионалов, способных не только к научно-техническим достижениям, но и к управленческой деятельности в сфере производства, а также к проявлению актер-

ской позиции [48]. Именно они задавали вопросы о религии и церкви своим еще религиозным родителям и отказывались верить в «предрассудки» (применительно к религии этот термин был введен в обиход И. В. Сталиным) [49, с. 89]. При этом еще «в течение 1920-х гг. религиозные различия между супругами, родителями и детьми часто вызывали в доме или семье реальные и в конечном счете непримиримые столкновения по поводу священного. Красный угол в доме был обычной “горячей точкой”» [50, с. 316].

Образование стало новым ориентиром духовности не только для представителей советской интеллигенции, но и для простых рабочих, которые были достаточно активно вовлечены в образовательную политику СССР. Именно они впоследствии составили группу новаторов и изобретателей, оформившуюся в полноценное рационализаторское движение. Уровень квалификации рабочих позволял им в процессе технологических операций отходить от шаблонных алгоритмов и вносить изменения в конструкцию используемых инструментов [48; 51]. Образованные рабочие с высокой степенью самостоятельности верили в советские идеалы и воплощали образ нового советского человека, в том числе как профессионала широкого профиля (универсала в терминологии Л. Н. Когана).

Смыслы духовности советского периода были осознанно и хорошо проработаны, преобразуя под свои нужды не только религиозную традицию, но и меняя представления о семье и браке, смысле и назначении человека, ценностями которого теперь становились любовь к Родине, труд, образованность (в том числе путем самообразования и творчества), дружба как основа отношений коммунистов. Примечательно, что все они так или иначе были сформулированы в 1961 г. в своде принципов «Моральный кодекс строителя коммунизма», что означало завершение идеологических построений в отношении советского человека.

Заключение

Анализ научной литературы и результаты собственных исследований [52; 53] позволили прийти к выводам, важным для дальнейшей работы с эмпирическим материалом, и создать модель духовности (таблица). В обобщении данных по феномену «новая духовность» мы опирались на работу Е. Д. Руткевич [54].

Представленная модель позволяет не только различать религиозную и внерелигиозную духовность, но и понимать, чем продиктована гуманистическая духовность – марксистской или постмодернистской философией. Понимание различий духовности дает возможность оценить тип личности, который формируется при реализации в обществе той или иной

духовности. Это, в свою очередь, позволяет выявить характерные для того или иного типа личности свойства, например склонность к коллективизму или к индивидуализму, и этическое-поведенческие нормы, такие как эгоизм, альтруизм, конформизм с альтруистическими паттернами. На основании этого можно определить, какой человек нужен конкретному обществу – активист, способный на самопожертвование, или эгоист, погруженный в себя и свои переживания.

Таким образом, советский тип личности выступает проектом марксистской философии, гуманизма, при котором человек является творцом своей судьбы и безусловным духовным идеалом.

Модель религиозной и внерелигиозной духовности: компоненты и содержание

The model of the religious and non-religious spirituality: components and content

Компоненты духовности	Религиозная христианская духовность	Внерелигиозная гуманистическая духовность марксистского толка	Новая гуманистическая духовность
Цель, смысл жизни	• Обожение человека	• Всестороннее развитие личности	• Шейлизм, духовное иска-тельство
Субъекты процесса	• Бог и человек • Церковь	• Человек и общество	• Человек
Искомый идеал	• Человек в Боге	• Советский человек, выступа-ющий в роли творца, интер-националиста, патриота	• Индивидуализация как судьба • Субъективная культура процветания
Главное понятие	• Святость	• Судьба	• Синтез науки и культур
Основные ценности	• Бог-Троица • Христос • Вера • Традиция • Писание и предание • Церковь • Личность • Личная ответственность • Труд над собой • Любовь к Богу и к ближнему • Милосердие • Свобода как свобода от греха • Уважение свободы другой личности • Жертвенность • Покаяние, видение своей греховности • Смирение как принятие себя, других, обстоятельств жизни	• Труд • Наука • Профессионализм • Самореализация • Творчество • Образование • Коллектив • Дружба • Любовь к Родине • Деятельность • Справедливость • Честность • Равноправие • Свобода как возможность самореализации • Критика себя и других • Уверенность в себе, понима-ние своих сущностных сил	• Личная свобода • Творческий потенциал • Физическое благосостояние • Самореализация и обрете-ние смысла жизни • Гармоничное единство со всем миром

Библиографические ссылки

1. Polianski IJ. Pathologia religiosa: medicine and the anti-religious movement in the early Soviet Union. *Journal of Contemporary History*. 2016;53(3 Special number):524–549. DOI: 10.1177/0022009416669421.
2. Фолиева Т, Малевич Т. Психология религии в XX веке: основные вехи развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016;34(4):68–91. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91.
3. Smolkin V. *Sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Princeton: Princeton University Press; 2018. 360 p.
4. Васенина ИВ, Хвьяля-Олинтер НА. Молодежная религиозность в Советской и постсоветской России. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;9(1):113–116. DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.132.
5. Ivanova VT. Socialism with an occult face: aesthetics, spirituality, and utopia in late socialist Bulgaria. *East European Politics and Societies*. 2020;36(2):558–581. DOI: 10.1177/0888325420961159.
6. Lundskow GN. Marxist class-cultural spirituality in theory and practice. *Critical Sociology*. 2005;31(1–2):213–241. DOI: 10.1163/1569163053084388.
7. Upadhyay A. Religion and religiosity in Russia: an overview. *International Studies*. 2018;53(3–4):195–209. DOI: 10.1177/0020881717753860.
8. Малахов В, Летняков Д. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2021;39(1):245–266. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266.
9. Кураев А. Школа не должна учить духовности. *Правмир* [Интернет]. 2008 [протитировано 18 июля 2021 г.]. Доступно по: <https://www.pravmir.ru/shkola-ne-dolzha-uchit-duhovnosti/>.
10. Руткевич ЕД. Социология духовности: проблемы становления. *Вестник Института социологии*. 2014;2(9):37–65.
11. Григорий Палама. *Триады в защиту священно-безмолвствующих*. Библихин ВВ, переводчик. Москва: Рипол классик; 2018. 460 с. (ТЕО-LOGOS).
12. Митрополит Иерофей (Влахос). *Православная духовность*. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра; 2009. 135 с.
13. Лебедев ВЮ, Фёдоров АВ. Культура нью-эйдж в контексте научной рациональности и теологической религиозности. *Религия. Церковь. Общество*. 2014;3:27–48. DOI: 10.24411/2308-0698-2014-00003.
14. Циннбауэр Б, Паргамент К. Религиозность и духовность. Колкунова КА, переводчик. В: Малевич ТВ, Антонов КМ, Колкунова КА, редакторы. *Современная западная психология религии*. Москва: Издательство ПСТГУ; 2017. 704 с.
15. Kontrimienė S. Assessing spirituality as the ultimate end: development and validation of the humanistic spirituality inventory. *Journal of Humanistic Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 18]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022167819850678>. DOI: 10.1177/0022167819850678.

16. Pargament KI, Falb MD, Ano GG, Wachholtz AB. The religious dimension of coping: advances in theory. Research and practice. In: Paloutzian RF, Park CL, editors. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. 2nd edition. New York: Guilford Press; 2013. p. 560–578.
17. Sováriová SM, Timková V, Dimunová L, Mauer B. Spirituality as a mediator between depressive symptoms and subjective well-being in older adults. *Clinical Nursing Research*. 2021;30(5):707–717. DOI: 10.1177/1054773821991152.
18. Page RL, Peltzer JN, Burdette AM, Hill TD. Religiosity and health: a holistic biopsychosocial perspective. *Journal of Holistic Nursing*. 2018;38(1):89–101. DOI: 10.1177/0898010118783502.
19. Powers-James C, Alvarez A, Milbury K, Barbo A, Daunov K, Lopez G, et al. The influence of spirituality and religiosity on us oncologists' personal use of and clinical practices regarding complementary and alternative medicine. *Integrative Cancer Therapies* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 18];18. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1534735420945769>. DOI: 10.1177/1534735420945769.
20. Torbjørnsen T, Pargament KI, Stifoss-Hanssen H, Hestad KA, Danbolt LJ, et al. «If you and I and our Lord...»: A qualitative study of religious coping in Hodgkin's disease. *Archive for the Psychology of Religion*. 2021;43(1):3–20. DOI: 10.1177/0084672420983482.
21. Krause N, Hill PC, Ironson G. Evaluating the relationships among religion, social virtues, and meaning in life. *Archive for the Psychology of Religion*. 2019;41(1):53–70. DOI: 10.1177/0084672419839797.
22. Knabb JJ, Vazquez VE, Wang KT. The Christian contentment scale: an *emic* measure for assessing inner satisfaction within the Christian tradition. *Journal of Psychology and Theology*. 2020;49(4):324–341. DOI: 10.1177/0091647120968146.
23. Highland B, Worthington EL, Davis DE, Sibley CG, Bulbulia JA. National longitudinal evidence for growth in subjective well-being from spiritual beliefs. *Journal of Health Psychology*. 2021;27(7):1738–1752. DOI: 10.1177/13591053211009280.
24. Ожиганова ГВ. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке. *Экспериментальная психология*. 2019;12(4):160–176. DOI: 10.17759/exppsy.2019120413.
25. Ожиганова ГВ. Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект. *Психологический журнал*. 2010;31(4):21–34.
26. Анисимов АИ. Психологическая оценка ресурсов духовного здоровья студентов вузов. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2015;24(2):78–88.
27. Морозова ЕА. Психологические механизмы становления зрелости личности у подрастающего поколения средствами образовательной среды. *Психологическая наука и образование* [Интернет]. 2011 [процитировано 18 июля 2022];3(3):1–9. Доступно по: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47072.shtml.
28. Воробьева ЛИ. «Духовность» в психологии: философско-методологический анализ. *Культурно-историческая психология*. 2019;15(3):32–40. DOI: 10.17759/chp.2019150304.
29. Заславский В. *От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000)*. Вуячич В, составитель; Глебовская А, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019. 456 с.
30. Хархордин ОВ. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2016. 508 с.
31. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир; 2020. 352 с.
32. Левада ЮА, редактор. *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Москва: Мир; 1993. 300 с.
33. Бойм С. *Обице места. Мифология повседневной жизни*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 320 с.
34. Архипова А, Кирзюк А. *Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР*. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. 536 с. (Культура повседневности).
35. Коган ЛН. *Цель и смысл жизни человека*. Москва: Мысль; 1984. 184 с.
36. Коган ЛН, Сесюнина ИБ. *Духовное воспроизводство: методологические и социологические проблемы*. Дмитриенко ВА, редактор. Томск: Издательство Томского университета; 1986. 168 с.
37. Стейла Д. Богостроительство и авторитаризм: проблема соотношения большевизма и религии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019;1/2:541–566. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-541-566.
38. Луначарский АВ. *Религия и просвещение*. Москва: Советская Россия; 1985. 222 с.
39. Луначарский АВ. *О быте*. Москва: Государственное издательство; 1927. 81 с.
40. Fomina V. Between heroism and sainthood: new martyr Evgenii Rodionov as a moral model in contemporary Russia. *History and Anthropology*. 2018;29(1):101–120. DOI: 10.1080/02757206.2017.1375487.
41. Здравомыслова ОМ. Как родился «советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России. *Демографическое обозрение*. 2017;4(1):124–143. DOI: 10.17323/demreview.v4i1.6992.
42. Шабалина ОА. Личные дневники советского человека: опыт качественного исследования. *Социологические исследования*. 2016;4:138–141.
43. Возьмитель АА. *Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России*. Москва: Институт социологии РАН; 2012. 230 с.
44. Калугин Д. История понятия «дружба» – от Древней Руси до XVIII века. В: Хархордин ОВ, редактор. *Дружба: очерки по теории практик*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2009. с. 187–290. (Прагматический поворот; выпуск 3).
45. Иконникова СН, Лисовский ВТ. Некоторые проблемы воспитания студенческой молодежи. В: Лисовский ВТ, составитель. *Молодежь и образование*. Москва: Молодая гвардия; 1972. 152 с.
46. Лисовский ВТ. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2000. 508 с.
47. Шпаковская ЛЛ. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба. *Журнал исследований социальной политики*. 2009;7(1):39–64.
48. Аксёнова ОВ. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. Москва: Институт социологии РАН; 2016. 304 с.
49. Климова СМ, Молостова ЕС. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60–80-е гг. XX века). *Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право*. 2013;8(24):86–96.

50. Херлингер П. Русские православные женщины в неправославные времена: примеры женского действия и влияния в революционную эпоху, 1917–1927 гг. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019;1–2:304–327. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-304-327.

51. Прищепа АС. Рационализаторское движение в СССР: новаторство и изобретательство (1950–1960-е гг.). *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2018;6:1–5.

52. Рязанцев ИП, Подлесная МА, Козлов ИИ. Феноменология православных ценностей в оценке экспертов. *Социологические исследования*. 2014;8:128–135.

53. Рязанцев ИП, Подлесная МА, Козлов ИИ. Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на основании изучения образовательных биографий). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2014;4:221–228.

54. Руткевич ЕД. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;1:5–25.

References

1. Polianski J. Pathologia religiosa: medicine and the anti-religious movement in the early Soviet Union. *Journal of Contemporary History*. 2016;53(3 Special number):524–549. DOI: 10.1177/0022009416669421.
2. Folieva T, Malevich T. Psychology of religion as an academic project: an historical overview. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016;34(4):68–91. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91.
3. Smolkin V. *Sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Princeton: Princeton University Press; 2018. 360 p.
4. Vasenina IV, Khvylya-Olinter NA. Youth religiosity in Soviet and Post-Soviet Russia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2016;9(1):113–116. Russian. DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.132.
5. Ivanova VT. Socialism with an occult face: aesthetics, spirituality, and utopia in late socialist Bulgaria. *East European Politics and Societies*. 2020;36(2):558–581. DOI: 10.1177/0888325420961159.
6. Lundskow GN. Marxist class-cultural spirituality in theory and practice. *Critical Sociology*. 2005;31(1–2):213–241. DOI: 10.1163/1569163053084388.
7. Upadhyay A. Religion and religiosity in Russia: an overview. *International Studies*. 2018;53(3–4):195–209. DOI: 10.1177/0020881717753860.
8. Malakhov V, Letnyakov D. Post-Christian or post-atheistic society? Some characteristics of the Russian regime of secularity. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2021;39(1):245–266. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266.
9. Kuraev A. School should not teach spirituality. *Pravmir* [Internet]. 2008 [cited 2021 July 18]. Available from: <https://www.pravmir.ru/shkola-ne-dolzha-uchit-duxovnosti/>. Russian.
10. Rutkevich ED. Sociology of spirituality: problems of creation. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2014;2(9):37–65. Russian.
11. Grigorii Palama. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmlstvuyushchikh* [Triads in defense of the sacred silencers]. Bibikhin VV, translator. Moscow: RIPOL klassik; 2018. 460 p. (TEO-LOGOS). Russian.
12. Mitropolit Ierofei (Vlakhos). *Pravoslavnaya dukhovnost'* [Orthodox spirituality]. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Serгиеva lavra; 2009. 135 p. Russian.
13. Lebedev VYu, Fedorov AV. The new age culture in the context of scientific rationality and Christian theological religiosity. *Religion. Church. Society*. 2014;3:27–48. Russian. DOI: 10.24411/2308-0698-2014-00003.
14. Tsinnbauer B, Pargament K. [Religiosity and spirituality]. Kolkunova KA, translator. In: Malevich TV, Antonov KM, Kolkunova KA, editors. *Sovremennaya zapadnaya psikhologiya religii* [Contemporary Western psychology of religion]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU; 2017. 704 p. Russian.
15. Kontrimienė S. Assessing spirituality as the ultimate end: development and validation of the humanistic spirituality inventory. *Journal of Humanistic Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 18]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022167819850678>. DOI: 10.1177/0022167819850678.
16. Pargament KI, Falb MD, Ano GG, Wachholtz AB. The religious dimension of coping: advances in theory. Research and practice. In: Paloutzian RF, Park CL, editors. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. 2nd edition. New York: Guilford Press; 2013. p. 560–578.
17. Sováriová SM, Timková V, Dimunová L, Mauer B. Spirituality as a mediator between depressive symptoms and subjective well-being in older adults. *Clinical Nursing Research*. 2021;30(5):707–717. DOI: 10.1177/1054773821991152.
18. Page RL, Peltzer JN, Burdette AM, Hill TD. Religiosity and health: a holistic biopsychosocial perspective. *Journal of Holistic Nursing*. 2018;38(1):89–101. DOI: 10.1177/0898010118783502.
19. Powers-James C, Alvarez A, Milbury K, Barbo A, Daunov K, Lopez G, et al. The influence of spirituality and religiosity on us oncologists' personal use of and clinical practices regarding complementary and alternative medicine. *Integrative Cancer Therapies* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 18];18. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1534735420945769>. DOI: 10.1177/1534735420945769.
20. Torbjørnsen T, Pargament KI, Stifoss-Hanssen H, Hestad KA, Danbolt LJ, et al. «If you and I and our Lord...»: A qualitative study of religious coping in Hodgkin's disease. *Archive for the Psychology of Religion*. 2021;43(1):3–20. DOI: 10.1177/0084672420983482.
21. Krause N, Hill PC, Ironson G. Evaluating the relationships among religion, social virtues, and meaning in life. *Archive for the Psychology of Religion*. 2019;41(1):53–70. DOI: 10.1177/0084672419839797.
22. Knabb JJ, Vazquez VE, Wang KT. The Christian contentment scale: an *emic* measure for assessing inner satisfaction within the Christian tradition. *Journal of Psychology and Theology*. 2020;49(4):324–341. DOI: 10.1177/0091647120968146.
23. Highland B, Worthington EL, Davis DE, Sibley CG, Bulbulia JA. National longitudinal evidence for growth in subjective well-being from spiritual beliefs. *Journal of Health Psychology*. 2021;27(7):1738–1752. DOI: 10.1177/13591053211009280.
24. Ozhiganova GV. Adaptation of the spiritual personality inventory on the Russian sample. *Experimental Psychology*. 2019;12(4):160–176. Russian. DOI: 10.17759/exppsy.2019120413
25. Ozhiganova GV. Psychological aspects of spirituality. Part 1. Spiritual intelligence. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2010;31(4):21–34. Russian.

26. Anisimov AI. Psychological assessment of the spiritual health resources of university students. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*. 2015;24(2):78–88. Russian.
27. Morozova EA. Psychological mechanisms of personality maturity formation among the rising generation by means of educational environment. *Psychological Science and Education* [Internet]. 2011 [cited 2022 July 18];3(3):1–9. Available from: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47072.shtml. Russian.
28. Vorobyeva LI. «Spirituality» in psychology: a philosophical and methodological analysis. *Cultural-Historical Psychology*. 2019;15(3):32–40. Russian. DOI: 10.17759/chp.2019150304.
29. Zaslavskii V. *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoi Rossii (1970–2000)* [From the neo-Stalinist state to post-Soviet Russia (1970–2000)]. Vuyachich V, compiler; Glebovskaya A, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2019. 456 p. Russian.
30. Kharkhordin OV. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti* [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. 2nd edition. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2016. 508 p. Russian.
31. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (the experience of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
32. Levada YuA, editor. *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet common man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mir; 1993. 300 p. Russian.
33. Boim S. *Obshchie mesta. Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Common places. The mythology of everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2002. 320 p. Russian.
34. Arkhipova A, Kirzyuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 536 p. (Kul'tura povsednevnosti). Russian.
35. Kogan LN. *Tsel' i smysl zhizni cheloveka* [The purpose and meaning of human life]. Moscow: Mysl'; 1984. 184 p. Russian.
36. Kogan LN, Sesyunina IB. *Dukhovnoe vosproizvodstvo: metodologicheskie i sotsiologicheskie problem* [Spiritual reproduction: methodological and sociological problems]. Dmitrienko VA, editor. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta; 1986. 168 p. Russian.
37. Steila D. Godbuilding and authoritarianism: a discussion of Bolshevism and religion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2019;1/2:541–566. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-541-566.
38. Lunacharskii AV. *Religiya i prosveshchenie* [Religion and enlightenment]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1985. 222 p. Russian.
39. Lunacharskii AV. *O byte* [About life]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1927. 81 p. Russian.
40. Fomina V. Between heroism and sainthood: new martyr Evgenii Rodionov as a moral model in contemporary Russia. *History and Anthropology*. 2018;29(1):101–120. DOI: 10.1080/02757206.2017.1375487.
41. Zdravomyslova OM. How was born the «Soviet patriarchy». Grigory Batkis about the sexual revolution in Russia. *Demograficheskoe obozrenie*. 2017;4(1):124–143. Russian. DOI: 10.17323/demreview.v4i1.6992.
42. Shabalina OA. Personal diaries of a Soviet person: the experience of qualitative research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;4:138–141. Russian.
43. Voz'mitel' AA. *Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmenenii v poreformennoi Rossii* [Lifestyle: trends and nature of changes in post-reform Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2012. 230 p. Russian.
44. Kalugin D. [The history of the concept of «friendship» – from Ancient Russia to the 18th century]. In: Kharkhordin OV, editor. *Druzhba: ocherki po teorii praktik* [Friendship: essays on the theory of practices]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2009. p. 187–290. (Pragmaticheskii povorot; issue 3).
45. Ikonnikova SN, Lisovskii VT. [Some problems of education of student youth]. In: Lisovskii VT, compiler. *Molodezh' i obrazovanie* [Youth and education]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1972. 152 p. Russian.
46. Lisovskii VT. *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [The spiritual world and value orientations of Russian youth]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2000. 508 p. Russian.
47. Shpakovskaya LL. [Soviet educational policy: social engineering and class struggle]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2009;7(1):39–64. Russian.
48. Aksenova OV. *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossiiskoi modernisatsii* [The paradigm of social action: professionals in the Russian modernisation]. Moscow: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2016. 304 p. Russian.
49. Klimova SM, Molostova ES. Scientific atheism in search for methodology of religiosity of Soviet people (1960–1980s). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2013;8(24):86–96. Russian.
50. Kherlinger P. Russian Orthodox women in non-Orthodox times: examples of female action and influence in the Revolutionary era, 1917–1927. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2019;1–2:304–327. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-304-327.
51. Prishchepa AS. The rationalisation movement in the USSR: innovation and invention (1950–1960s). *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2018;6:1–5. Russian.
52. Ryazantsev IP, Podlesnaya MA, Kozlov II. [Phenomenology of Orthodox values in expert assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;8:128–135. Russian.
53. Ryazantsev IP, Podlesnaya MA, Kozlov II. University: its values and traditions in its professor's memories (based on educational biographies study). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2014;4:221–228. Russian.
54. Rutkevich ED. From «religiosity» to «spirituality»: the European context. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;1:5–25. Russian.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.
Received by the editorial board 02.09.2022.